

РИМСКИЙ СТАТУТ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА И КОНСТИТУЦИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН: СОВМЕСТИМЫ ЛИ ИХ ПОЛОЖЕНИЯ?

М. Ф. ХАМИДОВА*

В данной статье рассмотрены проблемы совместимости Статута Международного уголовного суда и Конституции Республики Таджикистан. Проанализированы такие наиболее очевидные противоречия положений Статута МУС национальным конституциям, как передача собственных граждан МУС и неприкосновенность высших должностных лиц, принцип комплементарности и принцип *ne bis in idem*, вопросы помилования. На основе проведенного исследования автором обоснована необходимость включения поправки в Конституцию Республики Таджикистан.

Ратифицируя Статут, Таджикистан взял на себя обязательство сотрудничать с Судом и развивать законодательство, обеспечивающее возможность такого сотрудничества. В связи с тем что разрешить многие коллизии, возникающие между Римским статутом и Конституцией Республики Таджикистан, представлялось возможным на основании толкования последней, ратификация Таджикистаном Статута Международного уголовного суда не повлекла за собой изменения его Конституции. Если применение Римского статута вызовет конституционные вопросы, Таджикистан должен выбрать, вносить для решения этих вопросов поправки в свой основной закон или толковать его нормы в соответствии со Статутом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Римский статут, Международный уголовный суд, Конституция Республики Таджикистан, передача граждан, иммунитет высших должностных лиц, принцип комплементарности.

HAMIDOVA M. F. THE ROME STATUTE OF THE INTERNATIONAL CRIMINAL COURT AND THE CONSTITUTION OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN: ARE THEIR PROVISIONS COMPATIBLE?

This article examines the problems of compatibility of the International Criminal Court Statute and the Constitution of the Republic of Tajikistan. It also analyses the most obvious contradictions between the Statute of the ICC and national constitutions, such as surrender of the states' own citizens, immunity of senior officials, complementarity principle, *ne bis in idem* principle, issues of pardon. Based

---

* Хамидова Манзура Файзуллоевна — аспирантка кафедры международного права СПбГУ.

Hamidova Manzura Faizulloeva — post-graduate student of the Department of International Law, St. Petersburg State University.

E-mail: manzura.faizieva@gmail.com

© Хамидова М. Ф., 2014

on the made research the author substantiates the necessity to make an amendment to the Constitution of the Republic of Tajikistan.

While ratifying the Statute, Tajikistan has committed to cooperate with the Court and to develop legislation which ensures the possibility of such cooperation. Due to the fact that many contradictions between the Rome Statute and the Constitution of the Republic of Tajikistan could be resolved based on the interpretation of the latter, ratification of the International Criminal Court Statute by Tajikistan did not lead to amendments of its Constitution. If constitutional issues arise out of the application of the Rome Statute, Tajikistan should choose whether to solve these issues by amending its Constitution or to interpret its Constitution pursuant to the Statute.

KEYWORDS: the Rome statute, International Criminal Court, the Constitution of the Republic of Tajikistan, surrender of citizens, immunity of senior officials, complementarity principle.

Подписание в 1998 г. Римского статута Международного уголовного суда и его вступление в силу в 2002 г. обозначило одну из основных тенденций в развитии международного публичного права в целом, а именно стремление межгосударственного сообщества достичь такого положения, при котором ни одно из тяжчайших преступлений, подпадающих под юрисдикцию нового международного органа (преступления против человечности, военные преступления, геноцид и агрессия), не оставалось бы безнаказанным.¹ Постоянная и всемирная уголовная юрисдикция может сократить время на реакцию со стороны международного сообщества в случае совершения массовых зверств.²

Римский статут Международного уголовного суда (далее — МУС) был принят 17 июля 1998 г. большинством голосов (120 «за», 7 «против» и 21 «воздержавшимся») при завершении работы Дипломатической конференции полномочных представителей государств под эгидой ООН по учреждению МУС.³

2 февраля 1999 г. Сенегал стал первым государством-членом, ратифицировавшим Римский статут МУС. После того как в апреле 2002 г. более 60 стран сдали на хранение ратификационные грамоты (в соответствии со ст. 126), 1 июля 2002 г. Статут вступил в силу. Исследователи указывают на рекордно короткий срок вступления в силу,⁴ т. е. всего за четыре года после принятия. В этом есть и заслуга Республики Таджикистан, которая первой среди стран СНГ ратифицировала Римский статут Международного уголовного суда 5 мая 2000 г.

Каждое государство — участник Статута МУС свободно в выборе путей имплементации своих договорных обязательств до тех пор, пока

¹ *Марусин И. С.* Международный уголовный суд и США: влияние позиции отдельного государства на функционирование международного органа // *Международные отношения и право: взгляд в XXI век. Мат-лы конф. в честь профессора Л. Н. Галенской.* СПб., 2009. С. 394–405; *Блищенко И. П., Фисенко И. В.* Международный уголовный суд. М., 1998. С. 189.

² *Фифе Р. Э.* Международный уголовный суд // *Московский журнал международного права.* 2001. № 1. С. 60–61.

³ *Бекашев К. А., Бекашев Д. К.* Римский Статут Международного уголовного суда // *Международное публичное право. Сб. документов. В 2 ч. Ч. II.* М., 2006. С. 2726–2768.

⁴ *Lattimer M., Sands Ph.* Introduction // *Justice for Crimes Against Humanity / ed. by Lattimer M., Sands Ph.* The Portland. Oregon. 2003. P. 18.

оно действует добросовестно, и результат этих действий свидетельствует о способности выполнить все обязательства по Статуту МУС.⁵

Неоднократно перед государствами, как завершившими процедуру ратификации, так и приступившими к ней или находящимися на разных стадиях подготовки к ратификации, вставали вопросы соответствия Статута национальным конституциям.⁶ Поскольку по причинам как политического, так и процедурного характера конституции обычно подвержены изменениям куда меньше, чем обычное законодательство, явное противоречие конституции может помешать ратификации и имплементации Статута. Поэтому вопрос, действительно ли такие противоречия существуют, заслуживает самого серьезного рассмотрения. Наиболее очевидными из них являются неприкосновенность высших должностных лиц и передача собственных граждан будущему Суду.⁷ Механическое распространение общих экстрадиционных запретов на передачу обвиняемых МУС по существу могло бы означать полное блокирование деятельности последнего и препятствовало бы осуществлению юрисдикции нового международного судебного учреждения.⁸ В контексте необходимости усиления борьбы с международными преступлениями и укрепления принципа неотвратимости наказания за их совершение конституционные ограничения выдачи своих граждан, обвиняемых или подозреваемых в совершении международных преступлений, выглядят, по меньшей мере, анахронизмом и рецидивом прошлого.⁹

Как полагают некоторые авторы, наиболее легко ввести во внутренний правопорядок нормы Статута МУС в государствах, конституции которых устанавливают приоритет международного права над внутригосударственным.¹⁰ Что касается Республики Таджикистан как государства — участника Статута Международного уголовного суда, то хотелось бы отметить, что существует возможность прямого использования его положений на основании ч. 3 ст. 10 Конституции Республики Таджикистан, где указано, что международно-правовые акты, признанные Таджикистаном, являются составной частью правовой системы республики. В случае несоответствия законов Республики Таджикистан признанным международно-правовым актам применяются нормы международно-правовых актов.¹¹ Хотя по вышеотмеченному вопросу И. И. Лукашук считает, что проблему коллизий Римского статута и национального законодательства не решает даже содержащаяся в конституциях государств норма о примате международного права.¹²

⁵ Додонов В. Модели имплементации Римского Статута Международного уголовного суда в национальных законодательствах зарубежных стран. М., 2008. С. 76.

⁶ Report on Constitutional issues Raised by the Ratification of the Rome Statute of the International Criminal Court. Venice Commission, CE Doc. CDL-INF (2001).

⁷ Тузмухамедов Б. Р. Римский Статут Международного уголовного суда: возможные вопросы конституционности // Московский журнал международного права. 2002. № 2. С. 166.

⁸ Stahn C. Arrest and Surrender Under the ICC Statute: a Contextual Reading // Future Perspectives on International Criminal Justice / ed. by Stahn C. The Hague, 2010. P. 659–686.

⁹ Абашидзе А. Х. Участие государств в Римском статуте Международного уголовного суда как новый вид обязательства erga omnes // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. М., 2008. С. 47.

¹⁰ Ламберт-Авелдегвад Э., Маклаков В. В. Международный уголовный суд и адаптация конституций: сравнительное исследование // Конституционное право. М., 2005. С. 34.

¹¹ Конституция Республики Таджикистан. Душанбе, 2005.

¹² Лукашук И. И. Конституции государств и международное право. М., 1998. С. 5.

Рассмотрим соответствие Римского статута МУС некоторым конституционным положениям Республики Таджикистан более подробно.

Первая проблема заключается в совместимости конституционного запрета экстрадиции собственных граждан и процедуры передачи обвиняемых в МУС.

Национальное законодательство Республики Таджикистан придерживается «преобладающей в конституционно-правовой практике тенденции»¹³ невыдачи собственных граждан. В частности, Конституция Республики Таджикистан (ст. 16) предусматривает, что «ни один гражданин республики не может быть выдан иностранному государству. Выдача преступника иностранному государству разрешается на основании двустороннего соглашения». Конституционная норма о невыдаче собственных граждан подтверждена также в уголовном законодательстве Республики Таджикистан (ст. 16 УК РТ), которое предусматривает, что «гражданин Республики Таджикистан, совершивший преступление на территории другого государства, не подлежит выдаче этому государству, если иное не предусмотрено двусторонними договорами».¹⁴ А в соответствии с ч. 1 ст. 89 Статута МУС «Суд может препроводить просьбу об аресте и передаче лица вместе с подкрепляющими эту просьбу материалами любому государству, на территории которого может находиться это лицо, и обращается к этому государству с просьбой о сотрудничестве в производстве ареста и предоставлении такого лица в его распоряжение. Государства-участники в соответствии с положениями настоящей Части и процедурой, предусмотренной их национальным законодательством, выполняют просьбы о производстве ареста и предоставлении в распоряжение».¹⁵ Следовательно, Таджикистан, будучи государством — участником Статута, должен обеспечить наличие процедур, предусмотренных его национальным правом, для всех форм сотрудничества (ст. 88 Статута МУС).

Если конституционные нормы Таджикистана считают допустимой выдачу граждан при наличии соглашений, из этого не следует, что такое разрешение мы можем автоматически распространить и в случаях возникновения необходимости передачи граждан МУС. Современное международное право рассматривает экстрадицию как межгосударственную процедуру, связанную с выдачей правонарушителя по соответствующему запросу, осуществляемую с целью предания суду или исполнения вынесенного приговора.¹⁶ Да и в Статуте речь идет о передаче собственных граждан, а не о выдаче. Учитывая возможность коллизии норм национального права и положений Римского статута, в ст. 102 проводится разграничение понятий «экстрадиция» (*extradition*) и «передача» (*surrender*), в соответствии с которыми передача означает доставку лица государством в МУС в соответствии со Статутом, а экстрадиция — доставку лица одним государством в другое в соответствии с положениями международного договора, актов национального законодательства. Эти различия, как

¹³ Сафаров Н. А. Проблемы обеспечения совместимости Римского статута Международного уголовного суда и национальных правовых систем. Баку, 2002. С. 7.

¹⁴ Уголовный кодекс Республики Таджикистан. Душанбе, 2005.

¹⁵ Бекашев К. А., Бекашев Д. К. Римский Статут Международного уголовного суда // Международное публичное право. Сб. документов. В 2 ч. Ч. II. М., 2006. С. 2756.

¹⁶ Галенская Л. Н. Международная борьба с преступностью. М., 1972. С. 119; Валеев Р. М. Выдача преступников в современном международном праве. Казань, 1976. С. 28–29; Международное уголовное право / под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1999. С. 241–243.

отмечает Н. А. Сафаров, «выходят далеко за рамки терминологических характеристик». ¹⁷ Решающим аргументом в пользу разграничения экстрадиции и передачи обвиняемых является различие в субъектах сотрудничества. Если при экстрадиции сотрудничество осуществляют два государства, то в случае с передачей лиц — два различных по своей правовой природе субъекта: с одной стороны, Международный уголовный суд, с другой — государство. ¹⁸

Хотя мы не можем не согласиться с мнением Н. А. Сафарова, который считает, что данная трактовка создает эффективные предпосылки для того, чтобы избежать процедуры внесения изменений в конституцию республики при наличии абсолютного запрета на выдачу граждан, ¹⁹ мы полагаем, что для снятия всех противоречий между Статутом МУС и своей Конституцией Таджикистан должен внести единственную поправку в свою Конституцию, которую можно было бы сформулировать следующим образом: «Гражданин Республики Таджикистан может быть передан международным судебным учреждениям для привлечения к ответственности в соответствии с учредительными договорами данных учреждений».

Еще один острый вопрос сопряжен с иммунитетами должностных лиц и парламентариев.

Конституционное законодательство Республики Таджикистан предусматривает специальные иммунитеты должностных лиц, рассматриваемые в качестве гарантии их законной деятельности на занимаемой должности. Основное назначение иммунитета — гарантирование надлежащей, в соответствии с законом, деятельности должностного лица и обеспечение защиты от необоснованного преследования.

В категорию лиц, на которых распространяются иммунитеты, предусмотренные Конституцией Республики Таджикистан, как правило, входят народные депутаты (ст. 59), президент (ст. 72) и судьи (ст. 91) Конституционного Суда Республики Таджикистан. Привлечение к уголовной ответственности указанной выше категории лиц возможно лишь с соблюдением специальных процедурных правил, устанавливаемых национальным законодательством. Однако в отличие от национальных правовых процедур, регламентирующих порядок привлечения к ответственности лиц, обладающих соответствующими иммунитетами, Римский статут (ст. 27) предусматривает, что его положения применяются в равной мере ко всем лицам, без какого бы то ни было различия на основе должностного положения. В частности, должностное положение главы государства или правительства, члена правительства или парламента, избранного представителя или должностного лица правительства ни в коем случае не освобождает лицо от уголовной ответственности по Статуту и само по себе не является основанием для смягчения приговора. Аналогичное положение было предусмотрено в ст. 4 Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. ²⁰ Таким образом,

---

¹⁷ Сафаров Н. А. Проблемы обеспечения совместимости Римского статута Международного уголовного суда и национальных правовых систем. С. 16.

¹⁸ Торманн О. Вопросы, поднимавшиеся в связи с ратификацией и имплементацией Статута МУС в Швейцарии // Российский ежегодник международного права. 2003. Спец. вып. С. 105.

¹⁹ Сафаров Н. А. Обзор законодательства стран Содружества Независимых Государств на соответствие Статуту Международного уголовного суда. Баку, 2002. С. 6.

²⁰ Бекашев К. А., Бекашев Д. К. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // Международное публичное право. Сб. документов. В 2 ч. Ч. I. М., 2006. С. 398–400.

Статут МУС игнорирует положения национального и международного права, закрепляющие иммунитет высших должностных лиц государства от уголовной юрисдикции национальных и иностранных судов.²¹

Иммуниеты должностных лиц не могут рассматриваться в качестве правового средства, обеспечивающего безнаказанность должностных лиц, совершающих преступления, подпадающие под юрисдикцию МУС, тем более что речь идет об особо тяжких деяниях, вызывающих озабоченность всего международного сообщества. Необходимость пресечения этих деяний по существу вытекает из международного обычного права.²²

По вопросу об иммунитетах и совместимости норм Конституции Таджикистана и ст. 27 Римского статута необходимо иметь в виду, что никакие положения конституции либо иных актов национального законодательства не могут трактоваться в противоречие обязательствам согласно международному обычному праву осуществлять преследование таких международных преступлений, как геноцид, агрессия, преступления против человечности, военные преступления, а ведь именно подобные деяния подпадают под юрисдикцию МУС.

Конституция Республики Таджикистан (ст. 72) предусматривает лишение неприкосновенности Президента, порядок которого трудно реализуем, так как он ни перед кем об исполнении своих обязательств не несет ответственности. В Маджлиси Оли (парламент) ежегодно заслушивается доклад (послание) Президента, который не обсуждается и по которому не принимаются решения. Однако нужно отметить, что неприкосновенность Президента функциональна, сохраняется до тех пор, пока президентские полномочия осуществляются их носителем ответственно, и не равняется абсолютному иммунитету. Другое дело, что в реальной жизни порядок отстранения главы государства от должности сложен и является политическим и во многом политизированным процессом.²³

Еще в ходе Нюрнбергского процесса иммунитет глав государств не был признан.²⁴

Комплементарность является основным концептуальным принципом деятельности Суда,²⁵ и в связи с этим могут возникнуть проблемы относительно совместимости норм Римского статута и конституционных норм, устанавливающих основы порядка осуществления правосудия по уголовным делам. Подобные нормы предусматривает и Конституция Республики Таджикистан.

---

²¹ Ведерникова О. Россия и Римский Статут Международного уголовного суда: перспективы ратификации // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. М., 2008. С. 119.

²² См. об этом, в частности: Консультативное заключение Международного суда от 28 мая 1951 г. «Оговорки к Конвенции о предупреждении геноцида и наказании за него» // International Court of Justice Reports. Vol. 15. 1951.

²³ Тузмухамедов Б. Р. Римский Статут Международного уголовного суда: возможные вопросы конституционности. С. 167.

²⁴ См. подробнее: Schabas W. Genocide in International Law. The Crimes of Crimes. Cambridge University Press, 2000. P. 316.

²⁵ Schabas W. The International Criminal Court: A Commentary on The Rome Statute. P. 335–352. — См. подробнее: Razesberger F. The International Criminal Court: the principle of complementarity. Berlin, 2006; Stigen J. The relationship between the International Criminal Court and National jurisdictions: The principle of complementarity. Dodrecht, 2008; El Zeydy M. The principle of complementarity in International Criminal Law: Origin, Development and Practice. The Hague, 2008.

Согласно ст. 84 Конституции Республики Таджикистан судебная власть осуществляется от имени государства Конституционным судом, Верховным судом, Высшим экономическим судом, Военным судом, Судом Горно-Бадахшанской автономной области, судами областей, города Душанбе, городов и районов, Экономическим судом Горно-Бадахшанской автономной области, экономическими судами областей и города Душанбе.

Конституционный подход к вопросу осуществления правосудия по уголовным делам может дать основание для констатации противоречий с нормами Римского статута о комплементарности, поскольку Конституция Республики Таджикистан в достаточно четкой и определенной форме установила перечень органов, осуществляющих правосудие, в числе которых МУС не упоминается, даже принимая во внимание ограниченный круг деяний, в отношении которых он осуществляет юрисдикцию. В то же время конституционные нормы не только устанавливают систему судебных органов, но и специально оговаривают тот порядок, посредством которого осуществляется правосудие. При этом деятельность международных судебных инстанций, включая и МУС, связанная с рассмотрением конкретных дел, находится за рамками конституционного понятия «осуществление правосудия», которое реализуется только национальной системой уголовной юстиции. Так, Конституционный суд Украины в своем заключении по делу о Римском статуте МУС пришел к выводу о наличии противоречий между дополнительным характером Суда и национальной конституцией.²⁶

Необходимо отметить, что МУС не подменяет, а дополняет национальные системы правосудия в тех случаях, когда они могут оказаться неэффективными.²⁷ Это означает, что основная нагрузка в борьбе с международными преступлениями ложится на государства, являющиеся участниками договора о создании Суда.²⁸ Принцип комплементарности, закрепленный в Римском статуте, основан на приоритете национальной уголовной юрисдикции, что с точки зрения реализации государственного суверенитета является безусловным плюсом.²⁹ Если национальная судебная система Республики Таджикистан функционирует нормально и в состоянии преследовать виновных в преступлениях, подпадающих под юрисдикцию МУС, то для его вмешательства необходимости не возникает. МУС может осуществить свою юрисдикцию лишь в тех случаях, когда государство не в состоянии (*unable*) либо не желает (*unwilling*) преследовать обвиняемых.³⁰

²⁶ Волеводз А. Г., Волеводз В. А. Современная система международной уголовной юстиции. Хрестоматия. М., 2009. С. 493.

²⁷ Лукашук И. И. Международное право. Особенная часть. М., 1998. С. 252.

²⁸ Jesberger F. International v. National Prosecution of International Crimes // The Oxford Companion to International Criminal Justice / A. Cassese (ed.). Oxford, 2009. P. 208–215; Kaul H-P. The International Criminal Court — Its Relationship to Domestic Jurisdiction // The Emerging Practice of The International Criminal Court. Leiden, 2009. P. 31–39; Lattanzi F. Concurrent Jurisdictions between Primacy and Complementarity // International Criminal Justice: Law and Practice from the Rome Statute to its Review. 2010. P. 181–209.

²⁹ Каюмова А. Р. Принцип комплементарности в системе принципов уголовной юрисдикции // Государство и право. М., 2008. № 1. С. 82–90.

³⁰ О дополнительной см.: Bartram B. Primacy or Complementarity: Reconciling the Jurisdictions of National Courts and International Tribunals // The Yale Journal of International Law. 1998. Vol. 23. N 2. P. 383–436; Cassese A. International Criminal Law. Oxford, 2002. P. 348–352. — См. об этом также: Williams S., Schabas W. Article 17 — Issues of Admissibility // Commentary on The Rome Statute of The International Criminal Court: Observers Notes, Article by Article. P. 605–626; The International Criminal Court: the Making of The

Принцип *ne bis in idem*, содержащийся в ст. 20 Римского статута, является еще одним распространенным аргументом в подтверждении наличия на практике конституционных коллизий. Принцип, согласно которому никто не может быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом каждой страны, имеет статус конституционного принципа в Республике Таджикистан.

Согласно ст. 20 Конституции Республики Таджикистан «никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление». Причем указанный запрет воспроизводится также в ст. 8 Уголовного кодекса Республики Таджикистан: «Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление».

Римский статут также исходит из указанного принципа, но с одним важным отличием: МУС вправе привлечь к ответственности лицо, уже осужденное или оправданное национальным судом по обвинениям в геноциде, преступлениях против человечности или военных преступлениях, если сочтет, что судебное разбирательство предназначалось для того, чтобы оградить соответствующее лицо от уголовной ответственности или по иным признакам не было проведено независимо или беспристрастно.³¹

В связи с теми исключениями из принципа *ne bis in idem*, которые содержатся в Римском статуте и приведены выше, может возникнуть вопрос: не противоречат ли они конституционному положению Республики Таджикистан о запрете повторного осуждения лица за одно и то же преступление? Отвечая на данный вопрос, следует отметить, что основное предназначение рассматриваемого запрета — это защита лица от осуждения за одно и то же преступление в рамках юрисдикции одного и того же государства.³²

Определенные проблемы в связи с ратификацией Римского статута могут возникнуть по поводу внутригосударственных прерогатив в области помилования осужденных лиц, которые, как правило, осуществляются высшими должностными лицами государства. Например, в соответствии с п. 27 ст. 69 Конституции Республики Таджикистан Президент Республики Таджикистан осуществляет помилование. В то же время Статут не предусматривает процедуры помилования. Часть 1 ст. 110 Статута гласит: «Государство исполнения приговора не может освободить лицо до истечения срока наказания по приговору, вынесенному Судом». Можно ли признать это положение ограничением суверенитета Республики Таджикистан? Думается, что нет. Помилование распространяется на наказания, предусмотренные только национальными законодательствами, т. е. носит внутригосударственный характер.

Существенен и еще один аргумент. Статут предусматривает возможность сокращения срока наказания. Часть 3 ст. 110 констатирует: «Когда лицо отбыло две трети срока наказания или 25 лет в случае пожизненного

Rome Statute — Issues, Negotiations, Results / by R. S. Lee (ed.). The Hague; Boston, 1999. P. 41–78; *Arsanjani M.* The Rome Statute of The International Criminal Court // *American Journal of International Law.* 1999. Vol. 93. N 1. P. 27, 28; *Holmes J.* Complementarity: National Courts versus The ICC // *The Rome Statute of The International Criminal Court: A Commentary.* P. 667, 668.

³¹ *Бекашев К. А., Бекашев Д. К.* Римский Статут Международного уголовного суда. С. 2735–2736.

³² *Раджабов С. А.* Становление и развитие Международного уголовного суда. Душанбе, 2005. С. 92.

лишения свободы, Суд осуществляет обзор приговора, вынесенного данному лицу, с тем чтобы определить, следует ли уменьшить назначенный по этому приговору срок наказания». ³³ Таким образом, Статут предусматривает возможность смягчения наказания, что соответствует духу положений Конституции Республики Таджикистан о помиловании.

Как показывает опыт органов конституционной юстиции многих государств, конституционные нормы о помиловании не вступают в противоречие с соответствующими нормами Римского статута. Так, в заключении Государственного совета Бельгии от 21 апреля 1999 г. по законопроекту об одобрении Римского статута МУС было отмечено, что осуществление права на помилование, предусмотренное ст. 110 и 111 Конституции Бельгии, не противоречит Римскому статуту, поскольку носит территориальный характер и может применяться только в отношении наказаний, назначенных бельгийскими судами. ³⁴

Таким образом, рассмотрев возможные расхождения между Статутом и Конституцией Республики Таджикистан, мы пришли к следующим выводам.

1. Относительно вопроса о совместимости конституционного запрета экстрадиции собственных граждан и процедуры передачи обвиняемых в МУС явных противоречий не выявлено, так как по существу несовместимы с толкованием, допускающим сотрудничество с Международным уголовным судом, только те конституционные нормы о невыдаче, которые в явном виде включают и передачу гражданина международным судам. Хотя Конституцией Республики Таджикистан и не предусмотрены подобные нормы, полагаем, что для снятия всех противоречий между Статутом МУС и своей Конституцией Таджикистан должен внести единственную поправку в свою конституцию. Данную поправку можно было бы сформулировать следующим образом: «Гражданин Республики Таджикистан может быть передан международным судебным учреждениям для привлечения к ответственности в соответствии с учредительными договорами данных учреждений».

2. Относительно вопроса наличия коллизий, сопряженных с иммунитетами должностных лиц и парламентариев, необходимо иметь в виду, что положения национального законодательства об иммунитетах представляют собой правовые гарантии, предоставляемые на внутригосударственном уровне от преследования национальными органами уголовной юстиции. Эти нормы не могут и не должны распространяться на преследование, осуществляемое МУС.

3. Относительно возможности наличия противоречия норм Статута, предусматривающих принцип комплементарности, с конституционными нормами Республики Таджикистан, устанавливающими основы порядка осуществления правосудия по уголовным делам, то и здесь противоречий не было выявлено, так как, осуществляя юрисдикцию в отношении наиболее вопиющих преступлений международного значения, Суд выступает в качестве альтернативного судебного органа для расследования и преследования преступлений, совершенных гражданами государств. Поскольку юрисдикция Суда действует только тогда, когда не действует юрисдикция

³³ *Бекашев К. А., Бекашев Д. К.* Римский Статут Международного уголовного суда. С. 2764.

³⁴ *Avis du conseil d'Etat du 21 avril 1999 sur un projet de loi «portent assentiment au Statut de Rome de la Cour penale internationale, fait a Rome le juillet 1998».* Parliamentary document 2-239(1999-2000). P. 94.

государства, вопрос о неприкосновенности конституционного порядка Таджикистана может и не возникать. Если Таджикистан возражает против требования Суда о передаче его граждан и, следовательно, против притязаний Суда на юрисдикцию, надлежащей реакцией с его стороны будет не отклонение требований о передаче, а самостоятельное проведение действенного расследования и преследования.

4. Представляется, что исключения из принципа *ne bis in idem*, содержащиеся в ст. 20 Римского статута, не входят в противоречие с конституционным положением Республики Таджикистан о запрете повторного осуждения лица. Последнее не гарантирует защиту от повторного осуждения лица в пределах уголовной юрисдикции другого государства и тем более защиту от юрисдикции международных судебных органов.

5. Конституционные нормы Республики Таджикистан о помиловании не вступают в противоречие с соответствующими нормами Статута, так как помилование распространяется на наказания, предусмотренные только национальными законодательствами, т. е. носят внутригосударственный характер. В случае же применения международного права его нормы должны действовать и при рассмотрении вопросов о смягчении наказания. И здесь применима ч. 3 ст. 10 Конституции Республики Таджикистан. Тем более нельзя забывать, что под юрисдикцию МУС попадают только тяжелейшие преступления, повлекшие массовые жертвы, такие как геноцид, преступления против человечности, военные преступления и агрессия.

Ратифицируя Статут, Таджикистан взял на себя обязательство сотрудничать с Судом и развивать законодательство, обеспечивающее возможность такого сотрудничества. В связи с тем что разрешить многие коллизии, возникающие между Римским статутом и Конституцией Республики Таджикистан, представлялось возможным на основании толкования последней, ратификация Таджикистаном Статута Международного уголовного суда не повлекла за собой изменения его Конституции. Если применение Римского статута вызовет конституционные вопросы, Таджикистан должен выбрать, вносить для решения этих вопросов поправки в свой основной закон или толковать его нормы в соответствии со Статутом.